

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ КЫРГЫЗСТАНА

ТОРОГЕЛЬДИЕВА Б.М.

Академия государственного управления
при Президенте Кыргызской Республики
УДК 321.021

Аннотация: В статье рассматриваются влияние общественных связей разного уровня: региональные, клановые, земляческие на политическую культуру современной республики. Причину усиление этих связей автор объясняет слабостью государственных органов.

Аннотация: Макалада заманбап республиканын саясий маданиятына ар кандай дэңгээлдеги: регионалдык, кландык, жердешичилик жана башка коомдук байланыштардын таасир этүүсү каралган. Бул байланыштардын күчтөлүшү автор мамлекеттик органдардын алсыздыгы менен түшүндүрөт.

Abstract: The article examines the impact of public relations of different levels: regional, clan and the political culture of the modern republic. The cause of strengthening these ties, the author explains the weakness of the state bodies.

Ключевые слова: политические ценности, традиционная культура, политическая культура, патронажно-клиентальные связи, родственники, одноклассники, политическая идентичность, политическая модернизация, политическая трансформация, демократизация.

Урунтуу сөздөр: саясий баалуулук, урп-адатка таянган маданият, саясий маданият, патронаждык-клиенталдык байланыш, туугандар, класшташтар, саясий идентичтиктик, саясий модернизация, саясий трансформация, демократизациялоо.

Key words: political values, traditional culture, political culture, patron-kliental, connection, relatives, schoolfellow, political identity, political modernization, political transformation, democratization.

Политические ценности занимают центральное место в политической культуре любого общества, являясь специфической мотивационной системой политического поведения личности, они играют также значительную роль в политической социализации личности, что предполагает усвоение той или иной системы и иерархии ценностей. Именно ценности также служат ядром важнейших направляющих компонентов политической деятельности, влияют на содержание и функционирование политических институтов. В суверенном Кыргызстане связи в обществе стали ценностью, которые стали играть важнейшую роль в государственном строительстве. В данной статье попытаемся рассмотреть влияние основных общественных связей на политическую культуру Кыргызстана.

Каждый политический процесс имеет свои предпочтения и, тем самым, находит свою ценностную нишу, которая становится важной составляющей во взаимодействии индивидов в обществе. В современной политической культуре Кыргызстана исследователи выделяют влияние следующих связей: семейные, земляческие, этно-региональные, патронажно-клиентальные, родственные и локальные.

Обретение новой политической идентичности в республике приобрело еще более острую форму, поскольку это связано не только с переменами во внутреннем содержании политической системы, но и с изменением в целом формы правления и государственного устройства страны. Формирование современной кыргызстанской идентичности происходит в условиях смены важнейших общественных идей, ценностей, норм, правил в условиях перехода от тоталитарного, авторитарного к демократическому обществу, от командно-государственной экономики – к рыночной. Такой сложный

идентификационный переход зависит и от политических и социальных трансформаций, которые происходят в республике.

После крушения коммунистической идеологии во всем постсоветском пространстве сложилась ситуация, которую специалисты стали называть идеологическим вакуумом. Ценности и установки «советского периода» потеряли свою значимость, процесс обретения новой системы политических ценностей начали формировать новые политические институты. В Кыргызстане в начале 90-х гг. национально-патриотические идеи стали доминировать над коммунистическими и широко распространяемыми через различные гранты и проекты либерально-демократическими.

Как показывает опыт преобразований в обществах с переходными общественными отношениями, одним из важнейших условий стабилизации политической обстановки является выработка долговременной идейно-целевой доктрины, которой руководствуется государство в своей деятельности и которую условно можно назвать государственной идеологией. Являясь составной частью процесса развития национального самосознания народа, выработка государственной идеологии обеспечивает интеграцию государства и общества, целостность всей социальной системы. В странах, где происходят трансформационные процессы и становление новых национальных общностей, а также осуществляется консолидация государства на базе моно-или полиэтничной основы, серьезную политическую роль всегда играют единые ценности и национальные идеологии.

В результате начавшегося процесса поиска региональной и родовой самоидентификации кыргызского этноса и из-за слабости вновь создаваемых политических институтов, на начальном этапе суверенного Кыргызстана из областных и местных структур власти были вытеснены представители других областей и районов, политические партии начинают формироваться по региональным, земляческим и родоплеменным признакам.

Известно, что вообще региональное самосознание, то есть самоидентификация жителей с той или иной территориальной общностью, а одновременно и противопоставление себя прочим территориальным общностям (в том числе и в рамках одного и того же этноса), присуще даже многим группам давно консолидированных наций.

А.Дононбаев отмечает, что переход к демократии предполагает, что в политический процесс включаются значительные массы людей, и борьба за власть приобретает достаточно обостренный, жесткий характер, именно в этих условиях трайбализм и клановость используются как своеобразное орудие, инструмент влияния и давления. Логика политической борьбы заставляет определенные силы общества обращаться к «затухающим» родовым корням и искать в них опору. Чаще всего «клановая структура» возникает вокруг определенной «харизматической» фигуры в ее борьбе за власть и ресурсы. Как только реальное влияние этой личности в сфере политической и экономической жизни снижается, сразу же «клановая структура» также начинает размываться. Следовательно, патронажно-клиентальные отношения членов клана предстают как традиционный механизм, используемый в современной политической борьбе. Здесь также надо говорить о комбинации, симбиозе традиционного и современного элементов[1, с. 38].

Ж.Сааданбеков пишет, что в постсоветских центрально-азиатских республиках принципы локализма, особенно трайбализма, имеют свои особенности. Благодаря семидесятилетнему «катку» советского тоталитаризма, они носят не доминантный, а пережиточный характер. Ведь известно, что коммунистическая политика и идеология были непримиримы как к этноцентризму, так и к проявлениям трайбализма. И это дало определенные результаты. Кыргызстан обрел государственную независимость до того, как полностью завершилась национальная консолидация коренного народа, локальные группы которого сохраняют региональное самосознание и элементы племенной культуры [2, с. 286].

Постепенно неформальные лидеры родов и регионов Кыргызстана входили в состав вновь создаваемой политической элиты Кыргызстана.

В постсоветском Кыргызстане в процессе приватизации земли родоплеменные связи приобрели и экономическую базу. Практически во всех сельских местностях земельные наделы (үлүш) после роспуска колхозов были распределены именно по родоплеменному

принципу, т.е. члены одного рода или племени получили свои земельные доли по соседству друг с другом. Такое расположение родственников сложилось еще в 20-30-е гг. XX века, когда происходили процессы оседания кыргызов-кочевников и создания советских колхозов. Учитывая то, что главной социальной ценностью для кыргыза была принадлежность к роду, расселение происходило около своих соплеменников, но ни в коем случае не «вне», такое расположение земельных наделов, через 74 года вновь приобрело «актуальность».

Также следует отметить, что из-за неподготовленности к самостоятельному управлению, основанному на демократических принципах построения государства, принципы патронажно-клиентальных отношений были возрождены и получили поддержку у государственной политической элиты.

Социологический опрос, проведенный группой ученых из НАН КР в 2004 и 2005 гг., показывает, что в целом по республике в этот период половина опрошенных респондентов – 50,3% считали, что в кыргызстанском обществе существует проблема родоплеменного деления и местничества. Наиболее высокие показатели были в Нарынской области – 73,1% респондентов считали, что эта проблема стоит остро, в Иссык-Кульской области – 55,9%, в г.Бишкек – 52,3%, в Таласской области – 50,0, в Чуйской области – 49,7%, в Ошской – 49,4%, в Джалал-Абадской области – 47% и в Баткенской области – 37,7%. Как видим из показателей, наиболее актуальна данная проблема была в моноэтнических обществах.

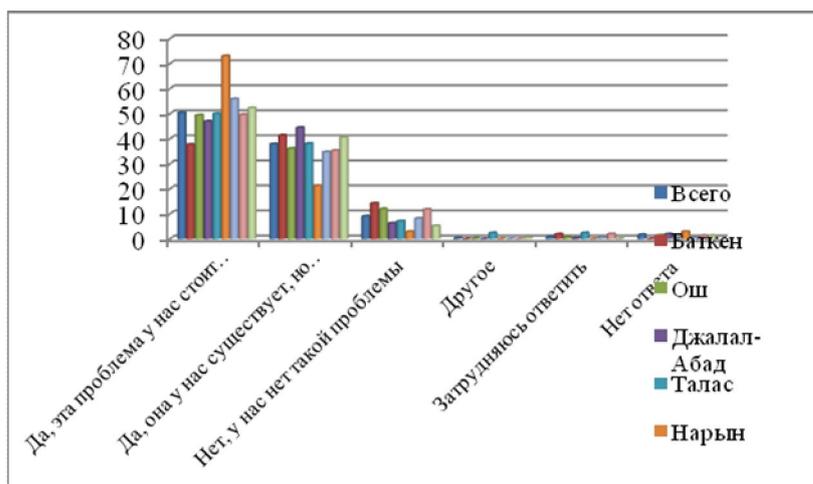

Рис.3.1.1 Считаете ли Вы, что в нашем обществе существует проблема родоплеменного деления и местничества? [3, с. 101-102]

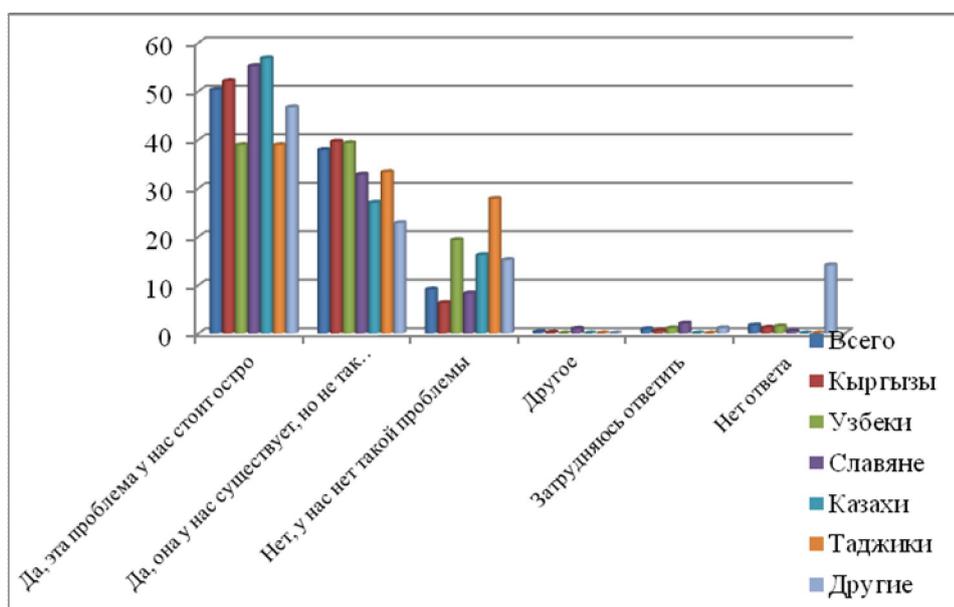

Рис.3.1.2 Считаете ли Вы, что в нашем обществе существует проблема родоплеменного деления и местничества? [3, с. 102-103] (по национальности)

В этническом разрезе при ответе на этот же вопрос наиболее высокие проценты показали казахи –56,8%, славяне –55,2%, кыргызы –52,1%. Представители других этносов также показали высокий процент – 46,7%, таджики и узбеки – по 38,9%. Наиболее чувствительными к указанной проблеме являются представители этнических меньшинств (казахи и славяне).

В Кыргызстане клановое, региональное, родоплеменное и земляческое деление населения оказало влияние на формирование и функционирование политической власти, экономических отношений. Кыргызские кланы представляют собой некие региональные объединения. Опираясь на кланы, их лидеры действуют в своих интересах. Зачастую политической ориентацией определенного клана в борьбе за власть является их принадлежность к родовым или племенным объединениям. Например, при А.Акаеве принадлежность к племенам сарыбагыш и кушчу имела определенное негласное преимущество, при К.Бакиеве принадлежность к семейному клану «бакиевых» также имела большую значимость. Наличие в составе клана или рода представителя, занимающего высокий пост в государственной структуре, стереотипно мыслилось как «укрепление позиции всего рода, а снятие его с должности – снижение статуса клана». Такая система отношений обязательно включает в себя отношения nepoтизма, когда во всей пирамиде власти принято подбирать себе окружение из числа родственников или земляков, обеспечивая их работой и защитой. Таким образом, патронажно-зависимые отношения стали пронизывать кыргызстанское общество сверху донизу, за исключением единичных случаев. Эти отношения обеспечивали эффективную связь «элит» с «массами» и были встроены в действующую модель получения и распределения общественных ресурсов. По мнению В.Ханина, «на практике нормы родоплеменной и этнической солидарности, лежащие в основе этих социальных отношений, требуют от социальных «низов» не борьбы со «своим этническим начальством», а напротив, максимальной поддержки своей племенной элиты в ее борьбе с чужеплеменными лидерами» [4, с.159].

В.Панфилова отмечает, что, по мнению лидера партии «Жашасын Кыргызстан» Т.Уметалиевой, в условиях слабости власти население возвращается к родоплеменным ценностям. Наиболее влиятельные из родов в Кыргызстане – сарыбагыш, бугу, солто, саруу, кушчу, мундуз, саяк, адыгене. Многие кыргызы всеми правдами и неправдами стремятся причислить себя к элитным родам. По ее мнению, это не просто возвеличивает, но и открывает дорогу в бизнес и политику [5].

Политолог А.Темиркулов пишет [6], что в трудных условиях переходного периода, который сегодня переживает Кыргызстан, населению нелегко приспособиться к новым экономическим условиям. Государство не в состоянии обеспечить население необходимыми условиями социальной защиты. Социальная уязвимость вынуждает людей обращаться к помощи неформальных социальных институтов, в которых основным элементом является традиционная солидарность -тууганчылык. Такие институты помогают обеспечивать некоторую социальную защищенность для своих членов-участников посредством гарантии взаимной помощи.

Одним из таких институтов являются патронажные сети, основанные на синтезе принадлежности к определенной административно-территориальной единице и родственных связей. ...Практика такой солидарности не создавала бы никаких проблем, если бы она оставалась вне структур официальных учреждений. Однако это явление не только имеет место в рамках государственных учреждений, но также часто занимает доминирующие позиции не только в кадровой политике, но и в моменты политической борьбы за власть и за доступ к ресурсам между различными группами элит. Солидарность, основанная на территориально-клановой принадлежности, активно используется коррумпированными элитами. Коррумпированный руководитель стремится набирать в свой офис людей, принадлежащих к его группе солидарности, для него это, прежде всего, способ гарантирования собственной безопасности.

Как показали социологические исследования 2005 г., в действительности трайбализм играл определенную роль, в принятии решений, но не определяющую. На вопрос: «Как Вы считаете, какую роль играет родоплеменное происхождение людей при продвижении по службе?» ответили, что играют большую роль, наибольшее число респондентов в Чуйской области – 46, 7%, в г. Бишкек – 42,3%, в Нарыне – 41,3%, в Иссык-Кульской области – 38,2%, в Баткене – 35,2% в г. Ош – 34,7%, в Таласе – 29,8% и в Джалал-Абаде – 29,5%. Как видно из показателей, наибольший процент положительного ответа связан с расположением государственных, образовательных и других учреждений, в первую очередь, в столице республики.

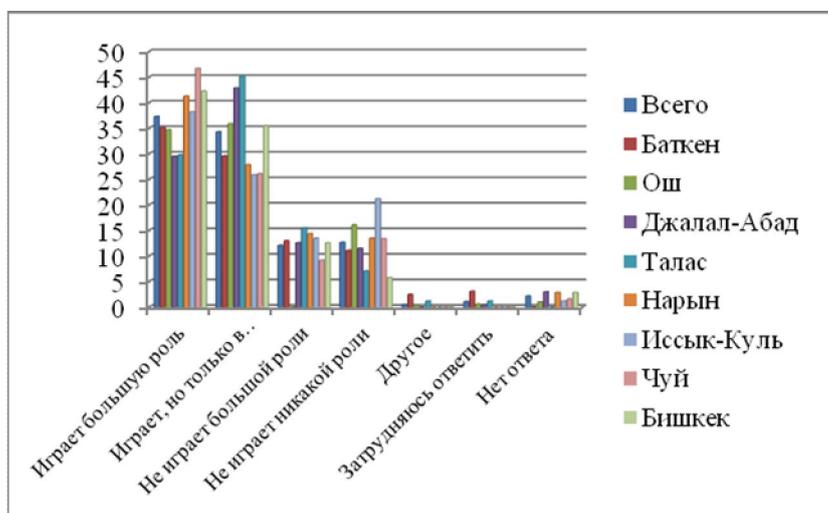

Рис.3.1.3 Как Вы считаете, какую роль играет родоплеменное происхождение людей при продвижении по службе? [3, с.103].

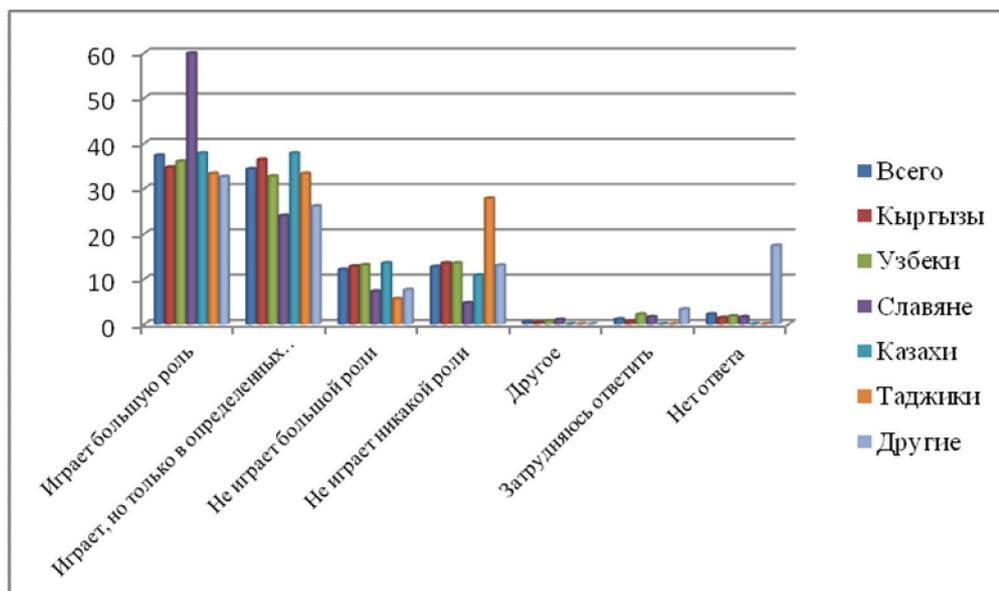

Рис.3.1.4 Как Вы считаете, какую роль играет родоплеменное происхождение людей при продвижении по службе? [3, с.103] (по национальности)

При ответе на этот же вопрос в этническом разрезе наиболее высокий разрыв в показателе виден у славянских этносов – 59,9%, у казахов – 37,8%, у узбеков – 36%, у кыргызов – 34,7%, у таджиков – 33,3% и у других – 32,6%. Как мы видим, социологический опрос выявил, что фактор трайбализма играет определенную роль при продвижении на службе. 37,3% респондентов считают, что он играет большую, а 34,3% – что в определенных случаях.

На вопрос о влиянии трайбализма на итоги парламентских выборов 2010 г. 20% респондентов ответили «определенно да», 27% – «скорее да», 23% – «скорее нет», 18% – «определенно нет» и 12% – «не знаю» и «нет ответа» [7].

В суверенном Кыргызстане деление по кланам, племенам, принадлежности к семьям, часто насчитывающим по несколько тысяч человек, приобрело для людей новую важность, став фактором неформальных социальных гарантий. Наличие в составе клана или племени человека, занимающего высокий пост, лишь способствовало еще более явной иерархизации и мобилизации в составе данного семейного объединения. Комбинация всех этих традиционных, неотрадиционных и «современных» срезов кыргызской политики проявилась в формировании различных регионально-трайбалистских группировок политических элит. Их происхождение было связано с конкретными историческими областями страны: Иссык-Кульской, Чуйской, Таласской, Ошско-Ферганской, Нарынской и другими.

Современная политическая практика показала, что в случае личных неприятностей у кого-то из представителей региона или племени быстро организовать протестные выступления с участием нескольких тысяч человек не составляет особого труда для властвующей элиты в республике.

Родоплеменная идентичность и кланово-семейная картина особенно сильна в сельской местности. Эти отношения более нивелированы у кыргызов, проживающих в столице и в Чуйской долине как индустриальной, образованной и «русской» части Кыргызстана. Однако с процессами внутренней миграции в пригородной части города Бишкек с 1989 г. мигрантами было образовано сорок семь новых жилмассивов: «Ак-Орго», «Ала-Тоо», «Ак-Бата», «Колмо» и другие. Основная часть жителей этих районов представляет электорат из разных регионов страны, готовый поддержать своего земляка, одноклассника, сородича, выбранного в депутаты или занимающего государственную должность. Подтверждением данного тезиса являются социологические исследования, где

участвовали 1000 граждан из 18 новостроек четырех районов города Бишкек (Свердловский, Первомайский, Ленинский и Октябрьский). На вопрос, обращаются ли респонденты в связи с возникающими проблемами к органам государственной власти 45,6 % респондентов ответили, что никогда ни по каким своим проблемам не обращаются в соответствующие государственные органы. Они предпочитают решать проблемы либо с семьей, либо с друзьями и родственниками [8, с.72].

Наряду с клановостью в политической культуре Кыргызстана наблюдалось проявление регионализма. А.Мокеев в своем исследовании проанализировал представительство северного и южного клана в правительстве с 2000 по 2004 год, из результатов его анализа наглядно видно, что за этот период произошло резкое сокращение представительства южных кланов в исполнительных и судебных органах центральной власти и полное их отсутствие на ключевых постах администрации президента в последние годы правления А.Акаева. По его мнению, одной из основных причин «тюльпановой революции» стала именно кадровая политика, и поэтому сразу же после революции произошел процесс постепенного, но неуклонного восстановления баланса представителей северных и южных кланов в структурах власти, хотя увеличение представителей юга осуществляется и за счет резкого сокращения представителей русскоязычного меньшинства. Такой расклад, в свою очередь, может спровоцировать обострение межнациональных отношений в республике [9].

Сложившаяся после мартовской революции ситуация вокруг президентских выборов показала, насколько острую форму может приобрести региональная проблема «север-юг» в политике. Хотя соперничество между политическими элитами юга и севера Кыргызстана не имеет глубоких исторических корней. Явное региональное соперничество юга и севера появилось лишь в конце советского периода.

В результате полярных мнений по поводу будущей формы правления у К.Бакиева появилась серьезная оппозиция, которая в ноябре 2006 г. организовала бессрочный митинг с главным требованием отставки президента. В кыргызстанском обществе стали распространяться слухи, что северные оппозиционные депутаты просто хотят «отобрать» власть у южного президента, а чтобы вывести людей на площадь, они использовали эмоциональные призывы: «Давайте отберем власть у южан!» Против оппозиционных выступлений государственная администрация организовала митинг (в столице это мероприятие назвали «антимитингом»). На данный митинг специально с юга были организованы участники, чтобы поддержать «своего» президента. На митинге были выдвинуты призывы и лозунги другого типа: «Не дадим аркалыкам (северянам) отобрать власть у «нашего» президента!» Второй раз после мартовских событий 2005г. в стране сложилась ситуация, когда в политике так остро встала проблема «север-юг». Выходом из данной кризисной ситуации стало принятие новой компромиссной Конституции, которая явилась результатом политических переговоров между властью и оппозицией.

После декабрьских парламентских выборов 2007 года в Кыргызстане на разных уровнях очень активно муссировался вопрос о разделении кыргызов на ичкиликов, правое и левое крыло. Ф.Кулов, лидер партии «Ар-Намыс», обсуждая этот вопрос, отмечал, что к сожалению, реальность такова, что вопрос о севере и юге из фактора регионального перерос в политический, кадровый и т.п. Разделилась политическая элита, что в определенной степени отразилось на настроении народа. Неудивительно, что в возрождении идеи «правое, левое крыло, ичкилики» некоторые из политиков и общественных деятелей увидели одно из главных средств, которое должно помочь предотвратить набирающее силу разделение общества на север и юг [10].

В исследовании, проведенном в Академии государственного управления при Президенте КР (2013 г.), говорится, что региональное разделение соответственно отразилось и на репрезентативности родоплеменных групп, которые, главным образом, отождествляются по географическому расположению. В период президентства Акаева представители племен, заселяющих северные области, преобладали среди правящей

элиты. При этом сородичи Акаева из племени сарыбагыш занимали самые влиятельные посты в государственных ведомствах. Во время правления Бакиева, выходцы из племени ичкилик, к которому принадлежал второй президент, лидировали среди властвующей элиты вместе с племенем адыгене, представители которых, в основном, тоже заселены в южных областях. Однако необходимо отметить, что границы расположения многих родоплеменных групп часто совпадают с границами географических местоположений районов, областей. Поэтому некоторые ученые склонны утверждать, что район, регион происхождения, а не принадлежность к определенному племени, играли важную роль в формировании элиты [11, с.5].

С этим нетрудно согласиться, учитывая, что в политической практике в республике опыт связи сообществ оказывали очень существенное влияние на формирование элиты власти. В период президентства А. Акаева «кеминизация» власти складывалась на связи по совместной научной работе, например, его первая команда состояла из его докторантов и ассистентов. Связи играли большую роль и в бизнес среде, в том числе и в преступном (например, восприятие режима президента Бакиева рассматривалась через связи с семьей Акматбаевых и с дуэтом А. Батукаевым и К. Колбаевым)(12).

В целом, исследование, проведенное в Академии государственного управления (2013г.), показывает, что после распада Советского Союза и вместе с ним сверхмощного влияния компартии на формирование номенклатурной элиты, президент страны получает огромные полномочия в решении кадровых вопросов. Уже не партия, как институт со своими идеологическими принципами, а президент, как индивидуальное лицо, играет ключевую роль в становлении элиты, обладая практически неограниченными правами в назначении высших государственных чиновников и тем самым определяя состав, структуру властной элиты. Однако в отсутствие эффективно функционирующей бюрократии, основанной на правовых принципах, устоявшихся институциональных норм, развитых общественных институтов, как например партии, кадровая стратегия первых двух президентов страны порой ориентируется на неформальные институты. Такое явление присуще для традиционного общества, стран с патримониальным укладом управления, когда преданность и поддержка руководителю со стороны подчиненных обеспечивается за счет сопереживания общих идентичностных характеристик, как, например, принадлежность к одному региону, району или трайбу. Опираясь на неформальные институты, предыдущие два первых президента страны, и в особенности Акаев, предпочитали окружать себя выходцами из идентичного с ними района, региона (север/юг), предполагая, что такая стратегия укрепит их режимы. Так, во время правления Акаева, уроженцы Кеминского района, Чуйской области и затем других северных областей преобладали среди административно-номенклатурной элиты, занимая продолжительное время самые высокие позиции во властных структурах. Однако после смены власти мы видим изменения в структуре элиты: при правлении Бакиева численность представителей северных областей сокращается. Бакиев был склонен назначать на высшие государственные посты своих земляков из Ошской области. Среди когорты элиты уроженцев Джалал-Абадской области было не так много, но при этом они занимали самые влиятельные посты [11, с.10].

Обсуждая вопрос о судьбах Кыргызстана, известные политические деятели высказывают мнения о необходимости использования родоплеменной структуры кыргызского общества для решения политических проблем республики. К примеру, общественный деятель Д.Сарыгулов и экс-министр иностранных дел А.Джекшенкулов предлагали использовать традиционную структуру кыргызского общества в управлении государством при избрании президента страны и формировании правительства [13].

В ноябре 2010 г. после июньских событий на вопрос: «О чем население беспокоится больше всего», 14% респондентов ответили: «разделение - раскол юга и севера». На вопрос: «По вашему мнению, действительно ли существует проблема севера и юга», респонденты ответили: 35% – «определенно, да», 23% – «возможно, да», 16% –

«возможно, нет», 19% – «определенно, нет», 7% – «не знаю/ нет ответа» [7, с. 40]. Как видно из этого опроса, данная проблема остается для большинства опрошенных, так как политическая элита, которая опирается в своей деятельности на трайбализм, клановость, регионализм, а не на профессионализм, стремится сохранить свои позиции.

В республике также возрождаются такие традиционные институты, как аш, той, шерине, орто касса, которые стали основой создания и укрепления корпоративной культуры политической элиты, земляков, коллег, родственников, однокурсников, одноклассников и т.д.

В процессе демократизации кыргызстанского общества народные курултай, как традиционные институты представительной демократии, получают широкое распространение. Можно провести следующую типологию курултаев, проходивших в суверенном Кыргызстане – это всемирные курултай кыргызского этноса, республиканские курултай, общенациональные (общезнационные) курултай кыргызского этноса, региональные, родоплеменные курултай. В современном Кыргызстане народные курултай состоялись, как социальный институт, активно участвующий в общественно-политической трансформации кыргызстанского общества (14).

Таким образом, можно сказать, что региональные личности способствовали в электоральном поведении отдельной части населения республики преобладанию регионализма, клановости, кумовства, землячества, трайбализма, которые подкреплялись минимальными компенсационными возможностями. Массовые политические протесты граждан Кыргызстана: митинги, пикеты, закрытие стратегически важных шоссе дорог, захват административных зданий против авторитарного, семейно-кланового правления акаевых и бакиевых стали важным фактором политических перемен.

Трансформационные процессы, происходящие в республике: политическая модернизация и конституционная реформа, переход к парламентской республике стали реальностью для Кыргызстана. Трагические события в апреле и июне 2010 года привели кыргызстанское общество к необходимости консолидации. Усиление партийного строительства перед октябрьскими парламентскими выборами 2010 года в какой-то мере смогло отодвинуть региональные, земляческие, клановое, семейные, родственные и другие связи политической элиты республики и поиску консенсусной политической культуры, которая бы учитывала интересы всего государства и сохранение его стабильности.

Литература:

1. Дононбаев А.Д. Кыргызстан: Политическая культура. Человек и государство. – Бишкек, 2003 – С.38
2. Саданбеков Ж. Авторитаризм и демократия на Востоке. – Астана, 2003. – с.286
3. Акматалиев А.А. Система ценностей современного кыргызстанского общества. Опыт социологического анализа. – Бишкек, 2009. – С. 98,99,100,101-116.
4. Ханин В. Кыргызстан: Этнический плюрализм и политические конфликты // Центральная Азия и Кавказ. – 3(9).– 2000. – С. 157,158,159.
5. Панфилова В. Киргизы ставят на лидера рода. Перед выборами в республике обостряются межклановые противоречия // www.centrasia.ru/newsA.php?st=1310619240; Независимая газета. – 14 июля 2011; www.report.kg/politics/7331.
6. Темиркулов А. Шанс уложить регионализм на лопатки // [www.policy.hu/temirkulov/index.files/ ru_analit.php1.htm](http://www.policy.hu/temirkulov/index.files/ru_analit.php1.htm).
7. Национальный опрос Кыргызской Республики // IRI, Baltic Surveys / The Gallup Organization/Kyrgyzstan National Opinion Poll, ноябрь 2010. –С.40,44,51,64;
8. Салморбекова Р. Социальная напряженность в современном Кыргызстане: социологический анализ возникающих городских жилмассивов// Салморбекова Р.Б., Исраилова Н.А. Социальная напряженность в современном Кыргызстане. – Бишкек, 2010. – С.72.
9. Мокеев А.М. Какая власть и какая идеология нам нужна? Или - куда ведет Кыргызстан политика трайбализма и регионализма... // Белый пароход.– 2007. –27 февр.
10. Кулов Ф. Вопрос о Севере и Юге из факта регионального перерос в политический // [http:// www.parohod.kg](http://www.parohod.kg).29.02.2008;
11. Алымбаева А., Урмамбетов Б., Аблезова М. и Асанов Т. Политическая элита постсоветского Кыргызстана: особенности формирования и обновления. Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. – Бишкек, 2013. – С. 5.
12. PiotrZalenski «Kulturapolitycznawiezi w AzjiCentralnej». – Warszawa 2011.-с.376
13. СарыгуловД. Үчканаттынтеңсалмактуулугусакталсын// Де-Факто. 2008. – 28 февраля,№11 (46) (переводавтора).
14. Торогельдиева Б. М.Влияние курултаев на политические процессы современного Кыргызстана// Вестник Академии управления при Президенте Кыргызской. – Б., 2013, №18. - С.3-15